

ЗАКАНЧИВАЯ ГОД...

ДВЕНАДЦАТЫМИ своими номерами журналы подвели черту под минувшим творческим годом. Это был год плодотворной борьбы за торжество ленинских принципов партийности и народности искусства, борьбы с тем чуждым, наносным, что мешало творчеству отдельных наших художников, борьбы за то, чтобы привести в действие все глубинные силы и возможности, способствующие дальнейшему расцвету многонационального советского искусства.

На последних страницах двенадцатых книжек публикуется традиционное «содержание за год». Вглядываясь в строки, идущие под рубрикой «Критика и библиография», и за сухим перечнем живо ощущаешь, чем жил наш «критический цех» все эти месяцы...

Однако обратимся непосредственно к декабрьским номерам. Естественно, главный пафос всех критических материалов — борьба за чистоту нашего искусства, против чуждой идеологии, против буржуазной эстетики.

Интересный материал для таких выступлений дал, в частности, недавний ленинградский симпозиум, посвященный проблемам развития современного романа. Ряд журналов поместил обстоятельные статьи по итогам дискуссии, возникшей на симпозиуме.

В статье «Судьбы романа» («Дружба народов») Вл. Мачавариани сосредоточивает свое внимание на чуждой нашим философским, социологическим и литературоведческим воззрениям деятельности так называемых «новых романистов». Важно его утверждение, что отношу не только представители социалистического реализма считают для себя непримлемой теорию и практику школы «нового романа», — резко отрицательную позицию по отношению к ним занимают и многие сторонники современного критического реализма. Защитники концепции «нового романа», уходящие от массового читателя в «лоно так называемой интеллектуальной элиты», оказались на симпозиуме в «блестящей изоляции». Статья Вл. Мачавариани привлекает не только тем, что убедительно показывает преимущества реалистического искусства перед модернизмом, но и умением на конкретном материале разоблачить всю несостоятельность аргументов противника.

Основательна и статья Т. Мотылевой «В спорах о романе» в одиннадцатом номере «Нового мира» (двенадцатая книжка этого журнала еще не вышла). Развенчивая догмы модернистской эстетики, автор статьи призывает рлубже и целеустремленней исследовать истоки современного реалистического романа, творчество Роллана, Томаса и Генриха Маннов, Драйзера и прежде всего писателей, чьи книги знаменовали рождение социалистического реализма, — Бар-

бюса и Горького. «Продемонстрировать убожество современного модернизма, — говорится в статье, — значит сделать полдела. Не менее необходимо другое. Показать богатство современного реалистического романа... Участие в выполнении этих задач — прямой гражданский долг советской критики».

Без сомнения, привлекут внимание читателей страницы, посвященные ленинградскому симпозиуму и в журнале «Иностранная литература» (№ 11), где печатаются выступления участников симпозиума и комментирующая их статья И. Анисимова «Ленинградский диалог о современном романе». Подводя итоги дис-

КРИТИКА В ЖУРНАЛАХ. ДЕКАБРЬ

куссии, И. Анисимов пишет, что «позиция социалистического реализма в общем балансе обсуждения» оказалась «более внушительной, открывающей большие перспективы», чем позиция, отражающая «современный духовный распад, свойственный буржуазному обществу».

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ реализм, открывающий писателю все возможности для самого смелого новаторства, решительно отвергает в то же время всякого рода лженоваторские изыски, идущие под девизом то анархического «эстетического обновления», то бесконечного «расширения границ реализма». Эти лозунги «расширения» и «обновления», оторванные от живого развития искусства, как правило, черпаются из пыльных архивов модернизма. Именно от подобного новаторства предостерегает опубликованная в последнем, четвертом, номере журнала «Русская литература» статья А. Бушмина «Социалистический реализм (К вопросу о его толковании)».

Выступая против попыток отдельных авторов задним числом обелить пресловутую формальную школу в литературоведении, А. Бушмин отмечает, что такое амнистирование ошибок прошлого неизбежно приводит к идеологическим и идейно-эстетическим просчетам в исследовании сегодняшней литературы. Стремление к безмерному расширению рамок социалистического реализма чревато серьезными последствиями: «реализм оказывается в опасном соседстве с модернизмом, уравнивается в формальном отношении с ним». Существенно и другое замечание автора статьи: нельзя в литературоведческом обиходе отождествлять понятие социалистического реализма и социалистического искусства, потому что «вхождение в социалистическое искусство не всегда еще означает и вхождение в социалистический реализм, как это и бывает с

писателями, у которых художественное мышление, прежде связанное с теми или иными модернистскими воззрениями, отстает от идейного развития и так или иначе влияет на него».

Актуальную теоретическую проблему поднимает в своей статье «О структурализме в литературоведении» («Знамя») П. Палиевский. Современное передовое искусство, утверждает автор статьи, видит жизнь в ее целостности, в неповторимой социально-исторической конкретности, и пытается «технизировать» эти жизненные принципы нашего искусства, как это делают защитники так называемого структурализма в литературоведении, — значит выхолащивать из искусства богатство человеческого содержания, а в конце концов губить само искусство.

Злободневна статья В. Зименко «Изображение, правда, условность» («Октябрь»), полемизирующая с книгой Н. Дмитриевой «Изображение и слово». Как пишет автор статьи, Н. Дмитриева, справедливо отвергая холодное правдоподобие, рабское копирование натуры, вместе с тем впадает в другую крайность, возводит некий «культ условности» в искусстве, неизбежно ведущий к амнистированию абстракционизма.

Критерий классовости, партийности искусства составляет суть нашей литературной критики. О чем бы ни писал критик, он ни на минуту не имеет права забывать, что в мире не затухает схватка социалистической и буржуазной идеологии.

Опубликованная в журнале «Октябрь» реплика «В чем «суть предмета»?..» И. Астахова касается недостатков книги о современном американском театре А. Аникста и Г. Бояджиева. Их «6 рассказов об американском театре» («Искусство», 1963), желают того авторы или нет, как бы вступают в спор с наблюдениями американских критиков, которые утверждают, что театр на их родине все больше отходит от реализма. А. Аниксту и Г. Бояджиеву представляется совсем иное — будто драматургия в США чуть ли не вся живет теми же устремлениями, что и искусство социалистического реализма; там, по их словам, «как и нас, больше всего привлекает искусство, посвященное наиболее волнующим жизненным вопросам, правда о жизни и о человеке в современном мире, — а такое искусство не может не быть реалистическим». Не парадоксально ли: сами американцы с горечью констатируют отход своего театра от реализма, а переубеждают их... советские театроведы. Как видно, «суть предмета», замечает И. Астахов, критики «не поняли, заблудившись в трех соснах»...

ВСЕМ нам запомнились произнесенные А. Твардовским на XXI съезде партии слова о «самом суровом и неподкупном споре в отношении качества отображения всего того, что составляет душу эпохи», о литературной критике, которая «в силу непостижимой инерции» нередко как бы узаконивает существование «скороспелых поделок»...

К этой мысли, высказанной одним из видных мастеров современной литературы, не раз возвращаешься, читая критические работы последнего времени. Как наша критика преодолевает столь существенный свой недостаток? Ведя неустанную борьбу за идейную чистоту литературы, достаточно ли внимательна она к той непререкаемой истине, что высокая идейность произведения

(Окончание на 3-й стр.)

ЗАКАНЧИВАЯ ГОД...

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

должна быть неразрывно связана с высоким уровнем художественного мастерства?

Ряд опубликованных в декабре материалов выгодно отличается пристальное внимание к художественному качеству новых книг, к своеобразию их формы. Решая ответственную тему, вынесенную в заголовок статьи «Поэзия нравственного возвышения» («Знамя»), Ал. Михайлов настойчиво проводит мысль о том, что ценности современной поэзии, накопленные в творчестве наших лучших мастеров стиха, обогащают читателей духовно и эстетически, воспитывают их художественный вкус, помогают рождению человека коммунистического завтра.

К числу работ, посвященных вопросам художественного мастерства, относится и статья Ник. Глушкова «Окно в жизнь» («Дон»), где автор, обозревая творческий путь В. Овечкина, говорит о приемах типизации, которыми пользуется писатель, о его новаторском умении создать на «скрещении» беллетристики и публицистики новый боевой жанр очерка-рассказа.

Большая статья Н. Яновского в «Сибирских огнях», посвященная творчеству Сергея Залыгина, вводит читателя в писательскую творческую лабораторию: критик анализирует своеобразие сатирического дара С. Залыгина-рассказчика, говорит о художественности его очерков; вместе с тем он тонко подмечает, что порой в прозе С. Залыгина «художник в какой-то степени уступает место комментатору», где в некоторых произведениях вместо «изображения конкретного человека» он предлагает читателю всего лишь «размышление о нем».

Проходит время, порой и немалое, но мастерски написанное, обладающее подлинными идейно-художественными богатствами произведение продолжает волновать, оно — родник неиссякаемый. О «неиссякаемом роднике» шолоховского творчества пишет Н. Алексеева в статье «Бесценный мир души» («Знамя»). Критик стремится на большом материале рассказать о замечательном умении Михаила Шолохова лепить многогранные характеры своих героев, находить для каждого из них свою «чудинку-ягодку», показывать, что не только дела их прекрасны, но и «сами они, как люди, неизмеримо богаты душой, своей неиссякаемой любовью к жизни».

КРИТИК, исследующий проблемы идейно-художественного мастерства, должен обладать не только способностью чутко ощущать пульс жизни и вер-

ным эстетическим вкусом, не только пониманием того, что новое содержание диктует художнику новаторскую, неповторимую форму, — критику непременно должно быть свойственно еще и такое неперемное качество, как бережное, по-хозяйски рачительное и и доброжелательное отношение к работе художника, к ценностям, накопленным современной литературой. Критика, далекая от желания разобраться в замыслах писателя, построенная на зыбкой почве субъективных домыслов, ничего, кроме вреда, принести не может.

Читая рецензию Ф. Светова на роман Ю. Трифонова «Утоление жажды» («Новый мир», № 11), с недоумением видишь, что, оперируя двумя-тремя фразами, принадлежащими героям произведения, критик по существу искажает самый замысел писателя. «Жажда справедливости», — читаем мы в рецензии, — которой был согрет роман, желание не просто знать всю правду, как бы ни была она горька и жестока, но стремление сделать правду единственной нормой жизни растворяется в абстрактном преклонении перед «делом», которое якобы «больше» человека, его конкретных радостей и несчастий... Неужели же он (герой романа Корышев. — Ред.) согласится теперь на такую формулу: луский несправедливости и «черт знает что» — лишь бы шла вода! А как быть с «утолением жажды», с тем, чтобы напоить каждого и сделать человека счастливым?»

Ф. Светов во что бы то ни стало хочет обнаружить в авторской концепции противоречие между «жаждой справедливости» и «преклонением перед «делом». Но каждый, кто читал роман, знает, что для тех героев Ю. Трифонова, которые выражают передовые тенденции времени, такого противоречия просто не существует. В том числе, конечно же, и для Петра Корышева. Напрасно критик задает в его адрес «наверзный» вопрос: неужели-де герой «теперь» согласится?.. Нет, не согласится. Всем содержанием романа Ю. Трифонов утверждает совершенно иную мысль: реальное приобщение к идее служения общему делу обогащает духовный мир этого и других героев романа, ставит их гуманистические устремления на прочную жизненную основу. Надуманные обвинения роману и его автору — в отступлении от замысла, от мысли о духовном «утолении жажды» — Ф. Светов

по существу ничем не может доказать, и не удивительно, что ему приходится прибегать к натяжкам.

Другой пример — напечатанная в журнале «Октябрь» рецензия Н. Далады на очерк Г. Тропольского «В камышах».

Н. Далада уже заголовком рецензии — «О чем шептались камыши...» — подчеркивает свое полупирионическое, полупренебрежительное отношение к очерку «В камышах». Походя упрекает он писателя в том, что Г. Тропольский ни больше ни меньше — «нарочно (!) отгородился» от «неумолчной, неостановимой жизни», «умышленно (!) прячется от раздумий» о колхозных буднях. Но были ли у рецензента основания делать столь горькие упреки автору? Разве очерк Г. Тропольского не несет в себе идею, как раз обратную той, которую увидел Н. Далада: неумолчная, неостановимая жизнь, говорит писатель, зримо присутствует даже здесь, в камышах! И как мог Н. Далада «не заметить» среди героев произведения Аleshу — одного из главных персонажей, носителя замечательных черт советского человека, умного, деятельного, по-государственному видящего жизнь... Пройти мимо такого героя — значит пройти мимо самого существенного в рецензируемом произведении.

Без должной вдумчивости и чуткости подошел к книге покойного Вл. Сапжака «Телевидение и мы» выступивший в том же номере «Октября» Юр. Зубков (статья «Пolemика продолжается»). Конечно, полемика об этой отнюдь не бесспорной книге совершенно правомерна. Но как замечает в «Известиях» (№ 300, 1963) народный артист СССР Игорь Ильинский, «нельзя так писать об искусстве, как делает это в своей рецензии Юр. Зубков, нельзя так «домысливать» текст книги»...

ЗАВЕРШАЯ наш разговор, позволим себе сделать вывод о том, что наиболее отчетливо характеризует литературную критику в обозреваемых номерах журналов. Стремления нашей критики, направленные на упрочение идейных основ советской литературы, оказываются плодотворными, когда любой из авторов подходит к явлениям литературы всесторонне вооруженным идейно и эстетически, с пониманием самых тонких сторон художественного творчества и — это стоит повторить здесь еще раз — с хозяйской заботливостью о дальнейшем увеличении ценностей, создаваемых под знаком социалистического реализма.